

Коо... Коо...

Крик ночных птиц, шум разбивающихся волн. Только редкое стрекотание ночных насекомых заполняло берег озера.

Немного скучая, Оливье немного откинулся назад и украдкой бросил еще один взгляд на заднюю часть Амели.

Точнее говоря, он не сидел прямо, а немного слишком небрежно откинулся назад, как вор в ночи, крадущийся...

к затылку, как вор в ночи.

Он не извращенец...

Проблема в том, что он не мог отвести от нее глаз, несмотря на все его усилия.

Когда несколько прядей волос из плотного хвоста упали ей на шею, у Оливье дернулся кадык.

Эту особу это совершенно не волновало, но небрежно оголенный затылок постоянно раздражал нервы Оливье.

Оливье покраснел без всякой причины, словно увидел что-то, чего видеть нельзя, и отвел взгляд в сторону.

Ароматная весенняя ночь медленно проходила. От каждого ласкающего весеннего ветерка с деревьев в полном цвету падали лепестки.

Фонари безмятежно плавали по озеру, а лепестки беззвучно падали на землю...

Он снова уставился на ее затылок. Оливье смутился, когда понял, что его взгляд снова приковал к себе Амели.

Он совсем не хотел этого делать. Он просто думал, что черт возьми творится у нее в голове, что она так долго молчит... Вот что он думал.

По-настоящему думал, но потом увидел ее затылок.

Он не был аккуратным, не пах одеколоном, не был покрыт макияжем. Он был прямой, стройный, ярко мерцающий в темноте...

Пахнет солнцем. У него внезапно возникло желание проверить, все еще ли она так пахнет. Он не мог поверить, что думает об этом, но хотел украдкой приблизиться и приложить к ней нос или губы.

Аппетиты и сексуальные желания похожи. Как странно.

Оливье про себя усмехнулся. Это было так на него не похоже. Он чувствовал странную нервозность.

Неудобная, неловкая, эзотерическая тишина.

Скорее... Лучше будет посмотреть ей в лицо?

Он обнаружил, что она покусывает губу. Оливье скользнул взглядом по ней, с некоторым навязчивым упорством. Этой особе ничего об этом не известно, а вот он один бросал в ее сторону свирепые взгляды.

Это совершенно неожиданно.

Он не думал, что его отвлечет что-то вроде шеи горничной. Я имею в виду, разве это имеет смысл? Кто бы мог подумать, что я едва ли смогу сидеть прямо!

Неужели я слишком увлекся ситуацией?

Просто притвориться влюбленным было бы достаточно, я никогда не думал, что мое тело отреагирует таким образом. Неужели я внезапно обрел талант, словно меня ударило молнией после посещения драматических занятий с самого детства?

Я уверен, что учитель, который в то время учил Оливье, тоже сказал: «Лучше потратить деньги, чем выходить на сцену».

Ситуация начинала становиться неловкой. Если бы Амели Ганье внезапно обернулась...

«Я, сэр.»

«Да?»

Оливье, тяжело облокотившийся на спинку, вскочил на ноги.

«Я, я готов».

Амели первой взяла Оливье за руку.

Взгляд Оливье немного сбито понравился на ее руке, затем снова поднялся, чтобы встретиться глазами с Амели. Он впервые осознал, что ее глаза были глубокого каштанового цвета.

«Пообещай, что ты будешь джентльменом».

«...Да, Амели. Обещаю».

У Оливье нервы были на пределе.

Самые мягкие и дорогие перчатки в Эзон оказались бесполезны. Его руки ощущали дискомфорт, словно они были заперты в доспехах.

Руки, которые были сухими от крепкой хватки, без всяких эмоций, только по долгу службы.

«Тогда встанем?»

Она пошевелилась, и в ее ладони образовалось мельчайшее количество тепла от трения, а тело Оливье напряглось еще сильнее, когда он ощутил тепло ее тела.

«О, подожди, эй».

Оливье рассмеялся, скрестив длинные ноги в фальшиво расслабленной манере. На самом деле, он скрипел, как сломанная кукла. Он долго смотрел на ее гребаный белый затылок, словно олень... Что, черт возьми, это такое, как извращенец.

Но что он должен сказать в свое оправдание.

«Можно мне минутку?»

Некурящий Оливье достал часы из свободной руки и принялся с ними возиться. Амели смотрела вдаль, на спокойное озеро, словно ожидание было для неё чем-то привычным.

Изящная линия от высокого лба к переносице, затем губы, небольшой подбородок. И вот опять эта проклятая шея, что даже сейчас, присунувшаяся вбок, по-своему привлекала к себе внимание.

Оливье проглотил слюну и взглянул на лицо Амели. Может, слишком долго засиделся в одиночестве, может, перестал обращать внимание на женщин?

Дуновение ветра слегка растрепало волосы Амели, и Оливье в очередной раз ощутил странное волнение, когда его взгляд упал на маленькое ушко, выглядывавшее из-под прядей.

Немного поглядев на Амели, Оливье отвернулся в другую сторону.

Может, идея оказалась не такой уж хорошей?

Прошло немало времени, прежде чем Оливье решился двинуться с места. Он улыбнулся и бодро заявил, что уже может идти. Яркая улыбка снова привлекла внимание Амели.

Близилась полночь, и прохладный сырой лесной воздух заставил её поёжиться. Ей было холодно, но рука, державшая её крепко, будто выполняя обещание, оказалась тёплой.

Амели сдерживалась, не желая больше плакать. Она не понимала, куда идёт, не зная лишь, что за герцогом, и продолжала идти вперёд.

Ку-ку. Ку-ку.

Огоньки, горевшие в лотосных фонариках на озере, мягко освещали дорогу, ведущую через лес.

Внезапно на земле, в пятне света, пробивавшемся сквозь густые деревья, отражались её туфли.

Грязные, изношенные.

Амели вспыхнула. Когда она работала, то даже не замечала этого, но носок её туфель был потрёпан и весь в пятнах. От них даже немного веяло неряшливостью...

Она старалась не обращать на это внимания, но взгляд так и падал вниз. Амели бросила взгляд на туфли герцога, который шёл рядом с ней.

Граф Бише мог себе позволить разве что похожую пару. Ботинки из кожи, в которые был обут герцог, выглядели свежими и начищенными. Словно он ни разу не ходил по лесной тропинке...

Кроме того, на невысоких склонах Оливье мог видеть тусклые пятна соуса на её фартуке.

С обшлагами тоже были проблемы. Бедная шерстяная ткань была разодрана, потрепана и изношена. Их затёртый вид тоже вызывал раздражение, торчащие нитки на концах болтались в

воздухе.

«...»

Амели с каждым шагом было всё более неловко. Её жалкие глаза продолжали сравнивать, отчего ей становилось грустно.

Изначально Амели Гагнье была человеком, который не любил унижаться. Сказав Катарине, опустив голову, такие слова, как «как смею я» или «я ничего не значу», она пропускала ужин из-за боли в сердце.

Но что поделать...

Когда Амели наконец остановилась, Оливье вопросительно наклонил голову.

— В чём дело?

— Дело в том, сэр. Мне кажется, ничего не выйдет. Боюсь, у меня ничего не получится...

Амели смущённо посмотрела на его великолепный кашемировый костюм. Чистая, лишённая пыли ткань вызывала у неё чувство стыда.

— Да какая разница, как это выглядит?

— Вряд ли кто-нибудь поверит мне, — произнёс Оливье, останавливаясь и глядя на неё сверху вниз. Амели наконец опустила голову, ощущая прилив стыда.

— Я чувствую себя такой жалкой и...

Она взглянула вниз, на кончиках ресниц блеснули слёзы. Ей было жаль саму себя.

Амели Гагнье, не будь смешной. После сегодняшней ночи тебе не придётся идти в тюрьму, не придётся просиживать ночи напролёт ради денег.

Если она отпустит его руку, все её старания пропадут даром — она отправится в тюрьму.

Отчего же мне приходится страдать, мне нужно всего лишь отказаться от этой гордости?

Кусая губу, она легко провела ладонью по подолу своей формы, и толстое пальто упало ей на плечи.

— Ой.

Спугнутая Амели резко обернулась. Её испуганные глаза поднялись к Оливье, после чего в панике упали вниз.

— Я, герцог, это.

— Всё в порядке, Амели.

Над головой раздался тихий ровный голос.

Он был похож на что-то сухое или горячее, и определить его температуру было сложно.

"Да, определенно будет похоже на то. Красиво."

Разум девушки опустел, будто из тела выкачивали всю кровь. На этот раз Оливье снова схватил ее за руку.

"Пойдем, Амели".

Его голос был мягкий, как перышко.

<http://tl.rulate.ru/book/95452/3921599>